

гетектив на шпильках

елена ЛОГУНОВА

Снегурка
быстрой заморозки

Елена и Ирка

Елена Логунова

Снегурка быстрой заморозки

«ЭКСМО»

2005

Логунова Е. И.

Снегурка быстрой заморозки / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2005 — (Елена и Ирка)

В жизни тележурналистки Елены внезапно наступила черная полоса. На балконе засох редкий цветок, в почтовом ящике обнаружались отрезанные косы пропавшей подруги Ирки, а в телефонной трубке слышен противный голос предводителя преступников. Кому это нужно – красть Ирку, могучую даму, способную в одиночку уложить роту спецназа? Ответа на этот вопрос, похоже, не знают и сами похитители! В виде выкупа они желают получить непонятное «чужое добро», и именно Елена должна найти требуемое в огромном Иркином доме. А там партизанит бесхозная собака, орудует приблудившийся подозрительный родственничек и шныряют алчные преступники. Елена готова отдать им что угодно, лишь бы спасти Ирку! Эврика! Она решает поменять на подружку кстати подвернувшуюся редкую марку – «Голубую Булабонгу»! А если враги предполагали получить что-либо другое, так у них есть еще выбор – страшная месть двух разгневанных женщин или прямая дорога на Колыму!..

Содержание

Суббота	5
Воскресенье	11
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена ЛОГУНОВА

СНЕГУРКА БЫСТРОЙ ЗАМОРОЗКИ

Суббота

Телеграмма была короткая и непонятная: «Даю добро вскл номер 8918121314 тчк шеф».

– «Даю добро» – это значит «разрешаю»? – спросил Григорий.

Кого он спросил, было непонятно, Леонид и Сергей смотрели на телеграфный бланк с разинутыми ртами, и на лицах их читалась глубокая и бесперспективная задумчивость. Услышав версию Григория, братья встрепенулись.

– А что разрешаю? – вопросительно пискнул Сергей, переворачивая телеграмму, словно надеясь найти на обороте расшифровку загадочного сообщения.

– А кто разрешает? – переиначил вопрос Леонид. – Сашка, что ли? Почему это он «шеф»?

– Потому, что он – старший, – рассудительно ответил Гриня.

– Конечно, старший! – обиженно повторил Леонид. – Подумаешь, на пять минут раньше родился! Нет уж, кому как, а мне он не шеф!

Братья Пушкины появились на свет попарно: сначала Александр и Леонид, а тремя годами позже – Сергей и Григорий. Старший Пушкин, названный амбициозными родителями Александром, с малых лет старательно культивировал в себе тягу к литературному творчеству, даже стихи писал, но перещеголять тезку пока не сумел и поклонников своего поэтического таланта до сих пор не нашел. Наиболее популярным в узком семейном кругу произведением Александра Ефимовича Пушкина был переиначенный шуточный стишок, исторически принадлежащий перу Александра Сергеевича Пушкина. Это был рифмованный клич, которым великий русский поэт созывал своих детишек: «Сашка, Машка, Гришка, Наташка!» В случае простого русского слесаря-станочника Ефима Пушкина, в условиях полного отсутствия в семействе дочек, призыв звучал как «Сашка, Лешка, Гришка, Сережка!». Причем Леонид на «Лешку» откликнулся очень неохотно, требуя его замены на «Леню», но тогда был недоволен Сергей, которому решительно не нравилось уменьшительное «Сереня». Это имя казалось ему пренебрежительным, а Сергей болезненно переносил малейшие проявления неуважения к собственной персоне.

Сереня был нервным и обидчивым, потому что какие-то гормональные нарушения в организме не позволили ему обрести такую мужественную внешность, как у прочих парней Пушкиных: в свои восемнадцать младшенький Пушкин выглядел подростком и имел тонкий писклявый голос, хотя его брат-двойняшка Гриня вымахал под два метра и басил, как Шаляпин. Правда, близнецами Гриня и Сереня и так не были, это старшие, Сашка и Лешка, уродились один в один.

– Номер восемь, девять, один, снова восемь, – забормотал Гриня, озвучивая прописанные в телеграмме цифры. – Номер – это понятно. Непонятно только, номер чего?

– Может, номер банковского счета? – предположил Лешка. – Сашка же вроде на зарботки подался?

В этот момент в кармане у Серени дурным голосом заблеял сотовый телефон. Гриня, не ожидавший ничего подобного, отпрыгнул в сторону и схватился за сердце.

– У, тварь! – выдохнул он, с опаской глядя на мемекающий мобильник, который Сереня торжествующе извлек из кармана, злорадно ухмыляясь в сторону напуганного братца.

Наслаждаясь испугом дюжего братца, Сереня дал козлоголосому мобильнику как следует прокричаться и в результате упустил звонок.

– Ну и ладно, – пискнул он, снова заталкивая аппарат в карман подростковых джинсов. – Кому надо, тот перезвонит.

– Телефон! – торжествующе вскричал вдруг Леонид.

– Что телефон? – неприязненно переспросил Гриня.

– Номер восемь, девять, один, дальше не помню – это телефон! – заявил Леонид.

Он обвел победным взглядом уважительно замолкших братьев и повторил:

– Сашка сообщил нам в телеграмме номер какого-то телефона. Спрашивается, зачем?

– Зачем? – эхом повторил Гриня.

– Чтобы навести нас на след!

– Чей? – чирикнул Сереня.

– На след добра! – Леонид широко улыбнулся.

– Какого добра?

– Какого-то! Ну, что еще вам непонятно? Сашка хочет передать нам какое-то добытое им добро. Что-то ценное! Очевидно, сейчас это добро находится у того, кому принадлежит мобильный телефон с номером восемь, девять, один, как там дальше?

– Восемь, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, – подсказал Гриня, заглянув в бумажку. – Ленчик, а почему Саня просто не написал: «Пойдите туда-то и возьмите там то-то?»

– А то ты Саню не знаешь? – пожал плечиками Сереня.

Саню братья знали хорошо. Помимо предрасположенности к стихотворчеству, старший Пушкин обладал непреодолимой склонностью к авантюрам и постоянно влипал в какие-то криминальные истории. Санино уклончивое «отправился на заработки» могло означать все, что угодно: от разбоя на большой дороге до возведения финансовой пирамиды из подручных строительных материалов. Таким образом, Санино желание утаить от посторонних все подробности, касающиеся способа приобретения и самого характера неведомого «добра», вполне можно было понять. А тот факт, что брательник прислал зашифрованную телеграмму вместо того, чтобы толком рассказать братьям, что к чему, при встрече или хотя бы по телефону, с большой вероятностью означал, что Саня в своих действиях несвободен. Поскольку старший брат то и дело рисковал загреметь в места не столь отдаленные, его нынешняя несвобода вполне могла продолжаться пару-тройку лет. Рассудительный Леня полагал неразумным дожидаться личной встречи со своим близнецом.

– Дай-ка сюда мобилку, – повелительно сказал Леонид, протягивая руку к Серене.

– Свою заведи, – буркнул тот, но телефон из кармана достал и вложил в ладонь старшего.

– Лень, а кому ты будешь звонить? – с интересом спросил Гриня, жизненные силы которого в основном уходили на поддержание физической активности большого организма, так что на умственную деятельность почти ничего не оставалось.

– Бронтозавр, – почти ласково ответил ему Сереня. – Ежу понятно, куда он звонит: по номеру с телеграммы!

– Ежу, может, и понятно, – немного обиженно проворчал Гриня.

– Тихо! – рывкнул на братьев Леонид, с трубкой у уха ожидающий соединения с нужным номером.

Ожидание длилось несколько секунд, и за это время Леня успел радикально изменить выражение лица и тембр голоса.

– Алло? – донесся из трубки женский голос.

Улыбаясь, как сытая акула, Леонид глубоким голосом оперного певца пробасил:

– Здравствуйте, уважаемый абонент! Вас приветствует операторская компания «Мобильный мир»! С удовольствием сообщаем вам, что ваш телефонный номер участвовал в розыгрыше подарков среди абонентов нашей компании и выиграл главный приз!

– А какой у нас главный приз? – шепотом спросил у Серени простодушный Гриня.

Чтобы не мешал слушать, братец молча пнул его ногой, дотянувшись только до голеностопа.

– Какой приз? – словно услышав подсказку, повторила баба в трубке.

– Большой и красивый! – интригуяще ответил Леонид, на ходу придумывая, что бы такого большого и красивого пообещать победительнице мифического розыгрыша. – Новый телевизор! Вы готовы его получить?

– Всегда готова! – радостно отрапортовала женщина.

– Щас, разбежалась! – прошипел в сторону вредный Сереня.

– За-амечательно! Будем ждать вас завтра в семнадцать ноль-ноль у нас в центральном офисе на Школярской, – кивнул Леонид. – Знаете, где это? Прекра-асно!

– Ва-асхитительно! – передразнил брата несносный Сереня.

– На чье имя мне выписать пропуск? – Леонид задал главный вопрос и весь обратился в слух.

– На мое: Максимова Ирина Иннокентьевна, – не подозревая подвоха, отозвалась его простодушная собеседница.

– Чу-удесно! – искренне обрадовался Леонид. – Буду с нетерпением ждать нашей встречи!

Он выключил трубку, убрал с лица полнозубую улыбку и уже совсем другим, жестким и деловитым, голосом обратился к братьям:

– Задачу поняли?

– Че, надо ей телевизор купить? – наморщил низкий лоб Гриня.

– Какой телевизор?!

– Новый, – припомнил Гриня. – Большой и красивый.

– Большой и тупой! – не выдержал нервный и злобный Сереня. – Не телевизор нам надо искать, а эту бабу с мобилкой! Как ее там? Максимова Ирину Иннокентьевну.

– Бегом в Горсправку, – распорядился Леонид, принявший на себя командование парадом. – Найти в картотеке бабу, получить ее адрес. Потом будем думать дальше.

Муниципальная справочная служба не подвела: Ирину Иннокентьевну, спасибо редкому отчеству, нашли быстро.

Размахивая бумажкой с записанным на ней адресом, повеселевший Сереня то и дело высовывался в окошко такси, чем вызывал неприкрытое неудовольствие водителя.

В Пионерский-2 ворвались с пылью, шумом и гамом, едва не задавив переходившую дорогу курицу.

– Останови здесь, – велел шоферу Леонид, когда машина поравнялась с небольшим озерцом, окруженным плотной стеной камыша. – Дальше мы сами. Пешком пойдем. Свежим воздухом подышим.

Простодушный Гриня, поняв слова старшего брата буквально, распахнул дверцу, глубоко вздохнул и закашлялся. «Свежий воздух» состоял по большей части из едкого дыма: метрах в пяти от остановившейся машины чадил костер, в который бабка самого сельского вида то и дело подбрасывала охапки сухой травы и ветки. Услышав кашель, старуха обернулась и приветливо помахала задыхающемуся Грине секатором.

Явно не желая, чтобы его вместе с транспортом тоже окуривали вонючим дымом, таксист без задержки произвел расчет и быстро укатил в сторону высоток Пионерского-1, которые белели в отдалении, как снежные горы. Братья остались на дороге.

– Ну, куда теперь? – спросил Сереня, нетерпеливо переминаясь с одной ножки тридцать седьмого размера на другую такую же.

– Теперь туда, – оглядевшись, скомандовал Леонид, который всю дорогу внимательно изучал прилепленные к заборам таблички с названиями улиц и номерами домов.

Братья построились в шеренгу по одному и зашагали прочь от бабки с кострищем. Сереня, который не желал тащиться в хвосте процессии, потому что видел в этом очередное ущемление своего человеческого достоинства, рысил первым, и очень резво, так что на подходе к нужному участку Леониду пришлось придержать брата, схватив его за подол рубашечки.

– Замри, – коротко бросил Леня.

Гриня послушно замер посреди дороги на одной ноге. Сереня, оскорбленный бесцеремонностью, с которой было прервано его целенаправленное движение, вырывался и возмущенно пищал.

– Цыц, – сказал ему Леонид. – Давайте составим план действий.

Встав в кружок, братья склонили головы и издали стали похожи на участников команды КВН, обсуждающих полученный от соперников каверзный вопрос. Однако при ближайшем рассмотрении общее для всех трех лиц выражение беспросветной задумчивости решительно не позволяло заподозрить в троице компанию веселых и находчивых.

Ирина сидела на мягкой зеленой травке под вишней, ветви которой были густо усыпаны спелыми ягодами. Вишня была карликовая, а Ирка – вовсе наоборот, поэтому ей без труда удавалось срывать ягоды, не вставая с места, просто поднимая вверх руку.

Темно-красные вишенки лопались от спелости и были сладкими. Ирка готова была лопнуть от переполнявших ее чувств, и по ее лицу, вот уже полтора часа хранящему одно и то же, абсолютно несчастное, выражение, катились горькие слезы. Кобель Томас, погрузившийся в скорбь и уныние из солидарности с хозяйкой, периодически поднимал вверх морду и норовил лизнуть мокрую Иркину щеку своим не менее мокрым языком.

Причиной Иркиных страданий был любимый супруг Моржик, в данный момент отсутствующий. Приблизительно девяносто минут назад он ушел из дома, шумно хлопнув дверью и еще более шумно – металлической калиткой. Направление движения мужа Ирка могла отследить только до ближайшей лесополосы, за которой проходила дорога, отграничивающая недостроенный микрорайон частных домов Пионерский-2 от вполне обжитого Пионерского-1. Маршевым шагом, размахивая руками, Моржик вошел в лесополосу и скрылся с глаз жены, выглядывавшей из окна второго этажа с биноклем. После этого Ирка в сердцах бросила оптический прибор в ближайшее кресло, сама бросилась на пол и безостановочно рыдала минут тридцать, периодически самокритично приговаривая: «Дура я, дура!»

Нелестная самохарактеристика была оправданна. До белого каления вкупе с желанием уйти, хлопнув дверью, Моржика довела сама Ирка.

Поводом для небывало бурной семейной сцены послужил звонок какой-то бабы, имевшей наглость попросить к телефону Сергея Петровича – так в миру звали Моржика. Свинство заключалось в том, что эта особа нахально позвонила на Иркин мобильник и наотрез отказалась представиться и объяснить суть своего дела к Сергею Петровичу! Разозлившись и взревновав, Ирка без долгих разговоров отрубилась свой сотовый и пошла выжимать информацию из супруга, который в тихий послеобеденный час мирно дремал на диване перед работающим телевизором. На беду, забытый видик показывал «Греческую смоковницу» – фильм, который Ирка решительно не желала признавать классикой мирового кинематографа, почитая за обыкновенную гнусную порнуху. Возмущение жены достигло высшего градуса, и бедняга Моржик был разбужен ударами мокрого кухонного полотенца, коим до звонка незнакомой наглой дряни Ирка спокойно вытирала свежевывмытую посуду.

Последовавшая затем семейная сцена включала в себя крики, вопли, ругань, битье посуды, швыряние куда попало разных подручных предметов и рукопашный бой, причем орала, портила имущество и мутузила родного человека все тем же полотенцем исключительно Ирка. Моржик, спросонья не сумевший перехватить ни полотенце, ни вообще инициативу, сначала пытался что-то объяснить, потом понял, что его не слышат, и употребил все свои силы,

ловкость и изворотливость на то, чтобы свести к минимуму число попаданий в него предметов кухонной утвари и домашнего обихода. В финале шумной мизансцены под условным названием «Жизнь итальянских кварталов» Моржик ловко поймал летящий в него баллон с солеными огурцами, почти сразу выронил его, в наступившей тишине громко вскричал: «Дура!», повернулся и ушел, шарахнув дверью о косяк с такой силой, что пупырчатые огурцы в луже рассола на полу запрыгали, как живые лягушки.

И вот теперь Ирка сидела под вишней с видом на калитку, орошая слезами взъерошенный собачий загривок и гадая про себя, куда пошел Моржик и когда он вернется.

Деликатный стук в ворота заставил ее подскочить, при этом Ирка стукнулась макушкой о низкую ветку вишни и наступила на лапу Томке, но не обратила на это никакого внимания. Через секунду она уже неслась к воротам, сопровождаемая прихрамывающим псом.

– Ты вернулся! – Ирка распахнула калитку настежь и приготовилась броситься на шею блудному мужу.

– Здрасьсьь, – вякнул в ответ незнакомый парнишка, опустив занесенную для повторного стука руку и попятившись.

– Ой! Ты кто такой? – Ирка резко затормозила, и Томка ткнулся башкой ей под коленки, едва не обрушив стокилограммовую хозяйку себе на спину. – Чего тебе надо?

– Это вы Ирина Иннокентьевна? – спросил пацан. – Я к вам от шефа, за посылочкой.

– За какой посылочкой? – не поняла Ирка.

– Так это вам виднее, за какой именно, – заискивающе улыбнулся парнишка.

Ирка задумалась. Поскольку товар для их с Моржиком торгового предприятия частенько приходил из-за рубежа, друзья-приятели, имеющие в Германии, Голландии и Польше любящих родственников, нередко получали с фурами «Нашего семени» различные посылки, но всякий такой случай специально оговаривался. Никаких не врученных адресатам почтовых отправлений Ирка за собой не помнила.

– Шеф нам телеграмму прислал, велел забрать у вас наше добро и оставил для связи ваш телефончик и имя: Ирина Иннокентьевна, – видя, что хозяйка дома озадачена, Сереня попытался ей помочь.

Насчет того, что в телеграмме было Иркино имя, он, конечно, приврал, но лишь для пущей убедительности.

– А почему я об этом ничего не знаю? – Ирка насупилась, предположив, что Моржик забыл или не захотел ее проинформировать. – Вы там за моей спиной что-то решаете, а меня кто предупредит – Пушкин?

– Пушкин, – кивнул Сереня, шаркнув ножкой. – Сергей Пушкин!

– А разве не Александр? – удивилась Ирка, которая не очень хорошо училась в школе, но имя-отчество солнца русской поэзии все-таки запомнила.

– Точно, Александр! – обрадовался Сереня, вообразив, что Ирка говорит о его старшем брате.

«Псих», – подумала Ирка и немного прикрыла калитку.

– Пожалуйста, отдайте мне то, что оставил Александр Пушкин! – не заметив впечатления, произведенного на хозяйку дома упоминанием имени великого поэта, попросил Сереня.

– Вы не донесете, – мягко, чтобы не обидеть умалишенного, ответила Ирка, незаметно нащупывая засов на внутренней стороне калитки.

– Почему? – обиделся Сереня, выпятив куриную грудь.

– Потому что это полное собрание сочинений в четырнадцати томах! – выкрикнула Ирка, захлопывая перед носом ненормального калитку.

Противно проскрежетал засов, угрожающе зарычала собака.

– Идиотка, – тихо выругался Сереня, в бессильной злобе пялясь на неприступную трехметровую ограду, за которой заливался злобным лаем здоровенный пес.

– Идиот, – прошептала по другую сторону забора Ирка, из соображений безопасности потихоньку отступая на высокое крыльцо.

С тех пор как на пятнадцатом километре Ростовской трассы построили комфортабельный пансионат для состоятельных умалишенных, рассказы о беглых психах стали неотъемлемой частью фольклора Пионерского-2.

Сереня еще пару минут бессмысленно потоптался у забора, за которым было тихо, но потом снизу, в щель у самой земли, с намеком высунулась узкая овчаркина морда.

– Блин, – беспомощно выругался Сереня.

Он энергично, но безрезультатно почесал в затылке и потопал к братьям, ожидающим его возвращения в камышах у озера.

– И что теперь? – спросил Гриня, огорченный провалом операции «Отдавай добро похорошему!».

– Либо она ничего не знает, либо просто прикидывается дурой, потому что хочет наше добро прикарманить, – рассудил Леонид. – Думаю, нужно допросить ее с пристрастием.

– Лучше с паяльником, – буркнул Сереня.

– У меня есть паяльник! – оживился Гриня.

– У вас мозгов нету! – отбрил Леонид. – Ворваться в чужой дом с паяльником – это вооруженный грабеж, а нас трое, считай, уже банда! Схлопочем лет по десять на рыло, будем потом добро не для себя, а для родины добывать – на колымских золотых приисках и в урановых рудниках!

– Не пугай, – скривился Сереня. – Я лично не из трусливых. Только в этот дом ворваться, пожалуй, не получится: там забор вроде Кремлевской стены, а во дворе овчарка размером с пони.

– Собака? – заинтересовался Гриня. – А как ее зовут?

– Дебил! – рявкнул злощий Сереня.

– Необычное имя для собаки, – немного удивился Гриня.

– Цыц, братва! – сердито прикрикнул на расшумевшихся младшеньких Леонид. – Есть у меня одна мыслишка, только ее обдумать хорошенько надо, да еще за бабой этой понаблюдать: когда она из дома выходит, по каким маршрутам перемещается... Опять же, надо выяснить, живет ли кто еще в этом доме, кроме нее.

– Ага, живет, – издевательски подтвердил Сереня. – Говорю же тебе: здоровый пес!

– Дебил, – услужливо подсказал Гриня.

– Сам дебил! – моментально завелся Сереня.

– Оба дебилы! – заорал Леонид. – Заткнитесь! Я думать буду.

И он опустил на забытое кем-то в камышах проржавленное ведро, приняв классическую позу роденовского мыслителя.

Воскресенье

– Чего, ну, чего тебе еще надо?! – гневно вскричала я, обращаясь к шипастому кустику, похожему на маленькие олени рожки ядовито-зеленого цвета.

Этот колер отнюдь не радовал мои глаза, подернувшиеся горячей слезой. Кустик, даром что зелененький, был безнадежно мертв: зелеными сухие веточки были исключительно благодаря толстому слою защитного воска, который коркой покрывал кустик от корней и выше.

От чего этот воск призван был защитить растение, я не знаю. Возможно, от поврежденных при транспортировке, или от перепадов температуры, или от вредных насекомых – какая разница? На воцанной корке не было ни царапинки, температура воздуха в начале июня даже ночью не опускалась ниже плюс двадцати, из вредных насекомых на третьем этаже многоквартирного дома мною была замечена только моль, а злосчастное растение все равно засохло. Что за напасть? Уже третий розовый куст загнулся на моем балконе!

В сердцах я несильно пнула дырявую алюминиевую кастрюлю, по всем канонам цветоводства наполненную специальным почвогрунтом на керамзитовой подушке. Засохший кустик, издевательски растопыренный победным знаком «V», качнулся вместе с содержащей его емкостью, которая легонько стукнулась о стоящий рядом пустой трехлитровый баллон. Стеклобанка, с помощью которой я регулярно и тщательно осуществляла полив безвременного скончавшегося ядовито-зеленого насаждения, протестующе звякнула.

– А ты вообще помолчи! – велела я бывшей поливальной банке, орошая засохший кустик скупой слезой.

– Сама садик я садила, сама буду поливать! – донесся с соседнего балкона приторно-сочувственный голос Гоши Куропаткина. – Что, еще одна выющаяся роза в ходе смелого эксперимента превратилась в саксаул? Ну, Елена, ты просто мичуринка!

Искося глянув на издевательски ухмыляющегося соседа, я молча отвернулась.

– Слышь, а это какая роза должна была получиться? – не отставал Гоша.

– Синяя, – угрюмо ответила я.

– Разве бывают синие розы? – Куропаткин изумленно приоткрыл рот, рискуя выронить из него дымящуюся сигарету.

– Похоже, что не бывает, – неохотно согласилась я, с намеком посмотрев на засохший кустик.

– Георгий, чем ты там занимаешься? – донесся из глубины квартиры пронзительный голос Гошиной жены Марины.

– Курю, – коротко ответил Куропаткин.

– Знаю я, как ты куришь! – Ревнивая Марина высунула голову в проем балконной двери и в упор посмотрела на мои ноги в коротких шортах.

Соседка откровенно недолюбливает меня за манеру выскакивать на открытый балкон в некомплектных костюмах, расценивая это как попытки соблазнения ее благоверного. Как будто я виновата в том, что дождь неожиданно начинается именно тогда, когда я развешу белье для просушки, и приходится выпрыгивать на балкон в чем есть и в чем нет!! А синьор Куропаткин днем и ночью торчит на балконе с сигаретой в зубах, дожидаясь, пока я устрою очередную демонстрацию облегченных домашних одеяний!

– Георгий, живо в дом! – велела Гоше тощая длинноногая Марина, с ее нездоровым бурячно-коричневым загаром огородницы похожая на Буратино, вырезанного из полена красного дерева и по недосмотру подслеповатого папы Карло наряженного в пестрый бабий халат. – Ужинать будем!

В подтверждение своих слов мадам Куропаткина выдвинулась из кухни на балкон с дымящейся сковородой в руках. Увидев раскаленную жаровню, Гоша поспешно отодвинулся на край

балкона, тем самым приблизившись ко мне. Краснодеревянная Марина позеленела, лицо ее со скрипом перекоилось. С интонациями, позаимствованными у лесопильного станка, соседка провизжала:

– Я кому сказ-з-з-зала! – и резко взмахнула сковородой.

Залежавшийся на ней румяный кружевной блин взлетел вверх, перевернулся в воздухе и нарядной тюбетейкой накрыл блестящую загорелую лысину Куропаткина. Гоша взвыл, сорвал с головы горячий блинный чепец и швырнул его в Марину. Баба ловко отбила подачу сковородкой, и потрепанный блин комом влип в Гошину волосатую грудь. Гоша взвыл октавой выше и принялся выдирать свою нагрудную шерсть вперемежку с лохмотьями теста, выкрикивая в адрес супруги разные нехорошие слова. Марина не оставалась в долгу, поливая мужа отборной бранью.

– Придурки, – устало сказала я, уходя с балкона в комнату и плотно прикрывая двойную дверь.

В помещении было жарковато, зато тихо. Ну, почти тихо: в прихожей надрывался телефон, истеричный звон которого после Маринино матерного визга казался мне нежным мурлыканьем. Наверное, аппарат трезвонил уже довольно давно, я просто не слышала его, стоя на балконе.

– Ну, наконец-то! – с претензией воскликнул писклявый детский голосок, едва я взяла трубку и раздраженно «аллекнула» в нее.

– Слушаю вас, – сказала я.

– «Слушаю вас!» – передразнил меня Писклявый. – Слушай сюда, корова глупая! Сестричку свою увидеть хочешь?

– Ой, нет, не хочу! – само собой сорвалось с моих губ. – Во всяком случае, не так скоро! Моя вполне взрослая младшая сестра и ее поразительно энергичный пятилетний сын гостили у меня только на прошлой неделе. Сестрица беспрестанно смотрела телевизор, в рекламные паузы бегала на кухню пить чай, потом на балкон – курить, потом в ванную – чистить зубы, а ребенок носился и скакал по дому, как лабораторный шимпанзе, получивший неожиданную амнистию после пары лет безвылазного пребывания в тесной клетке. Сестричка и племянник вызывали у меня стойкое головокружение. Я не могла ни пересчитать снующих по дому женщин и детей, ни уследить за их перемещениями. У меня даже возникло подозрение, а не клонировали ли любимые родственники себя прежде, чем приехать ко мне в гости?

– Не понял? – растерялся Писклявый, явно не ожидавший обнаружить у меня такое вопиющее отсутствие родственных чувств. – Это Елена?

– Я-то Елена, а вы кто будете? – спросила я, уже немного сердясь.

– Не твое собачье дело! – нагло возвестил Писклявый. И тут же начал хвастать: – Мы очень серьезные люди! С нами лучше не ссориться! Хочешь увидеть Ирину Максимову живой – делай, что скажем!

– Максимову? – удивилась я. – Это Ирку, что ли?

Ирка – это моя лучшая подруга, кое-кто даже считает нас сестрами, хотя никакого фамильного сходства между нами нет и в помине: Ирка – могучая рослая дама с роскошными формами, а я лет до двадцати здорово смахивала на шнурок и только к тридцати годам набрала шестьдесят кило при росте в сто семьдесят два сантиметра.

– Вы спрашиваете, хочу ли я увидеть живой Ирку? – наморщив лоб, уточнила я у Писклявого. – Что-то я не понимаю, а почему вообще вопрос ставится подобным образом?

– Потому что мы ее похитили! – важно заявил Писклявый.

– Ой, не смешите меня! – отмахнулась я, действительно начиная смеяться. – Как вы могли украсть шестипудовую тетку? У вас был автопогрузчик? Или подъемный кран?

– Напрасно смеешься, – обиделся Писклявый. – Мы серьезная организация с превосходным техническим оснащением! А твоя тетка отличным образом поместилась в «Газель»!

– Правда? – я продолжала потешаться, полагая, что меня глупо разыгрывают. – А как вы ее туда загнали, дорожным катком или танком?

– Сама залезла! – выкрикнул Писклявый, задетый моими насмешками за живое. – Мы просто угнали маршрутку!

– Угнали маршрутку?! Вы шутите! – я уронила челюсть и замолчала.

Вот слышала я про угоны самолетов и даже автобусов, но угнать маршрутное такси – ей-богу, это очень странный поступок!

– Мы никогда не шутим! – зловеще пискнуло в трубке. – Загляни в свой почтовый ящик, а потом мы снова поговорим!

Трубка вновь запищала, но уже нечеловеческим голосом, сигнализируя об обрыве связи. Некоторое время я сосредоточенно слушала гудки, потом опомнилась и выскочила из квартиры, чтобы сбегать вниз, к почтовому ящику. Распахнула металлическую дверцу бокса с номером своей квартиры, заглянула в его темное нутро и в первый момент не поняла, что там лежит. Вроде похоже на свернувшуюся змею? Я испуганно отшатнулась от ящика, вышла во двор, сломала с дерева рогатую веточку и с этим несерьезным оружием вернулась в подъезд. Вытянула подальше руку и зажатый в ней прутиком потыкала в подозрительный объект.

Змееподобный предмет мягко упал на пол. Я посмотрела, ахнула и двумя руками испуганно зажала себе рот, едва не выколов себе глаз забытым в кулаке прутиком.

На сером бетонном полу подъезда солнечно золотилась длинная рыжая коса, перехваченная на концах веселенькими резиночками с пластмассовыми вишенками.

Косу я узнала сразу, заколки тоже.

Эти симпатичные пасторальные вишенки я самолично приобрела в фирменном магазине «Аксессуары для волос» – отнюдь не для собственной шевелюры, не отличающейся длиной и пышностью, а для подруги, у которой, как у песенной девицы, – «руса коса до пояса».

– Ой, какая прелесть! – приняв безделушку, Ирка зарделась, почти сравнявшись по цвету с вишенками. — У меня были такие заколочки в далекие школьные годы!

Она тут же соорудила прическу с использованием пластмассовых ягод и помчалась к зеркалу – любоваться собой.

– Очень славно, – одобрил красоту жены Иркин супруг Моржик. – Можно еще заплести в косы гирлянду сосисок и повесить на шею ожерелье из бубликов, тогда ты будешь вылитая богиня плодородия. Как ее там? Флора?

– Тогда уж не только Флора, но и Фауна тоже: сосиски-то на деревьях не растут, – заметила я.

Довольная Ирка даже не заметила насмешек. Вишенки понравились ей чрезвычайно, и подруга носила их, снимая только на ночь.

– Ирка, – пробормотала я, поднимая с пола пшеничную косицу.

Коса безжизненно свисала с моих рук, как дохлая змейка. Я жалостливо шмыгнула носом. Что там говорил этот писклявый тип про похищение моей сестры-подруги?

Перепрыгивая через ступеньку, я вернулась в свою квартиру, намереваясь немедленно перезвонить по номеру, который запомнился моему телефонному аппарату последним. Увы, номер моего писклявого собеседника не определился! Я отошла от телефона и высунулась на балкон – глотнуть свежего воздуха и немного успокоиться.

Успокоиться не получилось, потому что на балконе было шумно, как вблизи арены широкомасштабного танкового сражения. В соседней квартире продолжали выяснять отношения несносные Куропаткины. Марина визжала – вдохновенно, безостановочно и задорно, как бензопила лесоруба, выбивающегося в передовики производства, а Гоша время от времени басовито рявкал. Фоном звенела массово бьющаяся посуда, глухо бухали падающие тяжелые предметы и в повторяемой на два голоса и на все лады фразе: «Я тебя убью, скотина!» менялось только последнее слово.

Я тоже стукнула кулаком по перилам балкона, ушибла руку, искала, на ком бы мне сорвать раздражение, и снова уперлась взглядом в засохшую голубую розу, которой так и не довелось дожить до поры своего пышного цветения и, соответственно, посинения.

– Выброшу, – пообещала я колючему сухоостою в кастрюле и потащила емкость с балкона в комнату, а потом в коридор.

Телефон молчал, весело подмигивая мне красными цифирками, не имеющими никакого отношения к номеру телефона Пискалявого. Волоча по полу тяжелую кастрюлю, я задом толкнула дверь, выдвинулась на лестничную площадку и вытащила туда же последний приют усопшей розы. Тут победно затрезвонил телефонный аппарат. Я бросила неподъемную кастрюлю под дверь чужой квартиры и в два прыжка вернулась в свою прихожую.

– Где Ирка?! – не своим голосом заорала я на Пискалявого, едва он успел вякнуть свое «Алле?».

– Ну, ты даешь! Так мы тебе это и сказали! – противно засмеялся Пискаля. – Нашла фрагмент своей сестрички? То-то же, мы шутить не любим! Если не отдашь нам то, что нужно, будешь получать свою Ирку частями. В другой раз ухо пришлем!

– Слушай, почему ты все время говоришь о себе во множественном числе? – не выдержала я. Рассвирепела и тоже перешла на «ты!» – Ты разве августейшая особа?

– Кто?

– Ты? Или тебе нужно говорить «вы»? – издевалась я. – Ладно, твое пискалявое величество, говори, чего тебе от меня нужно.

– Добро верни! – взвизгнул Пискаля. – Два дня тебе сроку, потом мы уши стричь начнем! Трубка загудела.

– «Мы, Николай Второй!»! – передразнила я отключившегося собеседника. – Уши он будет стричь! Хоть бы толком объяснил, император хренов, какое добро ему нужно!

Надеясь на то, что идиотский разговор с Пискалей, пугавшим меня обрезанием Иркиных ушей, есть не что иное, как тупой розыгрыш, я набрала номер домашнего телефона подружки. Трубку никто не брал. Настучала номер Иркиного мобильного – какая-то ехидная девица сообщила мне, что абонент находится вне зоны обслуживания. Я попыталась позвонить на сотовый Моржику, и злобная электронная барышня воспользовалась возможностью повторить свой текст. Тогда я заменила домашние шторы на джинсики, а шлепанцы на босоножки, вздернула на плечо сумку и таким образом приготовилась к походу в отдаленный Пионерский микрорайон, где в большом удобном доме живут Ирка с Моржиком. Авось там я разберусь, что происходит.

Пятилитровая кастрюля со сложносоставным содержимым – камни, песок, земля, розовый сухоцвет – в мое отсутствие переместилась из-под двери Куропаткиных к квартире других моих соседей, стариков Дунькиных. Причину этого загадочного явления я разгадала без особого труда, потому что в подъезде еще звучали отголоски тяжелых шагов. Очевидно, Гоша Куропаткин не выдержал психической атаки супруги и позорно бежал с поля боя. Моя кастрюля перекрывала ему путь к отступлению, и дюжий Гоша походя передвинул ее подальше.

Не успела я запереть дверь своей квартиры, как рядом опять зашумели, – на сей раз у пенсионеров Дунькиных. Сильно пьющий старикан, известный населению нашего дома под прозвищем Дядьвась, буянил в прихожей своей персональной «двушки», призывая громы небесные на головы «проклятых колдунов, по которым плачет осиновый кол». Я затруднялась представить себе истекающую слезами палку, но, на всякий случай, вернулась в квартиру, дожидаясь, пока рвущийся на лестничную площадку невменяемый Дядьвась будет увлечен старушкой-супругой в родные пенаты. Кто его знает, вдруг упомянутый осиновый кол уже в руках у пьяного скандалиста!

Дверь на лестницу я осмотрительно прикрыла, поэтому не увидела, как разбушевавшийся Дядьвась размашисто пнул мою кастрюлю, зато услышала последовавший за этим дол-

гий и во всех смыслах многоступенчатый грохот, а также не заглушенный им болезненный вскрик и усилившуюся ругань.

– С ума сегодня все посходили! – шепотом пожаловалась я сама себе. – Жара, что ли, на людей действует?

На лестнице стало тише, Дядьвась переместился в жилое помещение и теперь жалобно матерился в ванной – наверное, отмачивал ушибленную конечность в проточной холодной воде. Я вышла на площадку, заперла за собой дверь и поискала глазами самоходную кастрюлю. Она благополучно скатилась со второго этажа на первый. Засохший куст, образовавший монолитную конструкцию со своим керамзито-грунтовым фундаментом, все так же задорно торчал из кастрюли.

– Ты че добро расшвыриваешь? – из квартиры на первом этаже выглянула тетка в шелковом халате с драконами.

Тесно уложенные на ее голове металлические бигуди образовывали подобие шлема и по цвету очень гармонировали с моей кастрюлей.

Произнесенное с нажимом, это ее «добро» закономерно проассоциировалось у меня со словами Пискли.

– Где добро? – насторожилась я.

– Вот добро, – ответила тетка, указывая на кастрюлю. – Ты выбрасываешь, что ли?

– Ага, – подтвердила я.

– Так я себе заберу, – сообщила тетка.

– Там в днище дырка, – предупредила я.

– И хорошо, что дырка, – тетка кивнула, серебристые бигуди блеснули, как рыба чешуя. – Мне как раз на дачу бак для летнего душа нужен, этот аккурат сгодится. На дырку муж краник с рассекателем приварит, а сверху я вместо крышки фанерку положу. Есть у меня такая подходящая, бывшая дверка от тумбочки.

Я почему-то подумала, что фанеркой тетка разжилась по тому же принципу: подстерегла кого-то, кто нес выбрасывать старую тумбочку, и оторвала себе дверцу, но спорить не стала. Честно говоря, мне совсем не хотелось тащить тяжеленную кастрюлю на помойку.

– А эта ботва тебе не нужна? – спросила еще тетка, пренебрежительно потыкав шлепанцем с помпоном ядовито-зеленые рожки мертвого кустика. – Нет? Тогда я ее выброшу.

Баба неожиданно легко подняла кастрюлю и вышла из подъезда во двор. Я пошла за ней.

На подступах к нашей древней трехэтажке уже не первую неделю велись локальные и вялотекущие дорожно-строительные работы. Неторопливые мужики в комбинезонах с нагрудной надписью «Горблагоустройство» меланхолично конопатили ямы и рытвины битым кирпичом и разным мелким мусором с соседней стройки. В неопределенном будущем предполагалось залатать дыры свежим асфальтом.

– Прямо как тут и было! – довольным голосом сообщила бигудящая тетка, вывернув содержимое кастрюли в вакантную ямку.

Действительно, получилось как нельзя лучше: земля и песок из моей кастрюли доверху заполнили рытвину, похоронив под собой несчастный розовый кустик. Керамзит, лежавший на самом дне кастрюли, стал верхним слоем ямочного заполнителя, и могилка синей розы почти не отличалась от других экс-рытвин, приготовленных к асфальтированию.

Я слегка притоптала курганчик над захоронением своей синей розы, полюбовалась делом собственных ног и соседкиных рук и заторопилась на остановку маршруток.

Мы живем вблизи конечной, что очень удобно: в маршрутку еще не успевают набиться народ, можно устроиться поудобнее. Пользуясь возможностью выбора, я уселась впереди, рядом с водителем и начала поедать его глазами, надеясь привлечь к себе внимание и завести разговор на живо интересующую меня тему о похищении общественного автотранспорта малой вместимости вместе с пассажирами.

За рулем маршрутки сидел седовласый мужчина благородной наружности, очень похожий на Ричарда Гира. Думаю, рядом с голливудской звездой он смотрелся бы как брат-близнец. Особенно если бы Гир тоже надел трикотажную майку турецкого производства, спортивные штаны с лампасами и полуфабрикатный головной убор, состоящий из одного матерчатого козырька на круговой резинке.

Мой интерес водила понял правильно.

– Что-то нужно? – поинтересовался он, переключая скорости.

– Вопрос задать можно? – я с готовностью включилась в беседу.

– Что я делаю сегодня вечером? – хохотнул мужик.

– Нет, меня интересует прошедшее время, – я покачала головой и достала из сумки журналистское удостоверение. – Ходят слухи, что в городе угоняют маршрутки. Вы об этом ничего не знаете?

Водила изумленно посмотрел на меня, недоверчиво покрутил головой в джинсовом полупепе и правой рукой, в данный момент свободной от рычага переключения скоростей, звонко хлопнул себя по колену.

– Ну, журналисти! Ну, акулы пера! Откуда узнали? Кто рассказал?

– Есть источники, – уклончиво ответила я.

Не пересказывать же ему мою сумбурную беседу с Писклей!

– Ну уж нет, я к вам в источники не записывался, – джинсовый козырек протестующе закачался, и на меня приятно повеяло легким ветерком, – спрашивайте самого Михалыча, если он захочет, пусть сам вам рассказывает о своих приключениях.

– Водителя угнанной маршрутки зовут Михалычем? – уточнила я. – Он тоже на «сорок четвертой» ездит?

– На этом же маршруте, – кивнул водила.

– На Лунной остановите, пожалуйста! – попросил кто-то сзади.

Я немного подумала.

– Знаете, я, конечно, могу встать на дороге и тормозить каждую встречную «сорок четвертую» маршрутку, поджидая нужную машину, но это несколько затруднит работу общественного транспорта. Не говоря уж о том, как это затруднит меня саму. Может, вы мне просто скажете, где я могу найти этого вашего Михалыча?

– Да на конечной! Чего уж проще, мы там торчим на кольце, стартуем строго по расписанию, с интервалом в пятнадцать минут, – «Гир» наконец-то разговорился. – У нас там клуб: курим, языки чешем, перекусываем. Обеды нам горячие туда одна баба с Пионерского на тележке привозит, опять же сортир там для нас поставили...

– Водитель! На Лунной просили! – возмущенно закричали сзади.

Водила хамски подрезал «Москвич» в правом ряду, по дуге притерся к тротуару и рывкнул, обернувшись назад:

– Лунная! Кому надо, выпрыгивает! Кто остается, называет остановки заблаговременно и громко! – «Гир» набрал воздуха в грудь и заорал: – Водитель глухой!!!

– Жалко, что не немой, – пробормотала я, трясая головой, как собака после купания.

Оглушительный водительский вопль надолго лишил меня слуха и желания разговаривать.

К Иркиному дому в частном секторе на окраине города я подошла в сиреневых сумерках, после пятнадцатиминутной пробежки по тропинке через поле. Если бы не необходимость спешить, вызванная вполне понятным беспокойством о судьбе подруги, пешая прогулка доставила бы мне удовольствие. Я бы разулась, чтобы шлепать босыми ногами по теплой утоптанной дорожке, и полной грудью дышала бы незагазованным воздухом, за долгий летний день настоявшимся на полевых травах до крепости спиртовой наливки. Однако сейчас меня ничто не радовало, и запах мяты и полыни не успокаивал нервы, а только заставлял чихать.

Из обитателей дома на месте была только собака, овчарка Томас. Пес безмятежно спал в вольере и при моем появлении даже голову не приподнял, только раза три-четыре негромко стукнул о дощатый пол хвостом: мол, вижу, ты пришла, но мне до этого нет дела. Томкино равнодушие объяснялось жарой и отсутствием у собаки аппетита, будь пес голоден, он уже прыгнул бы в мои объятия прямо через ограду.

– Дрыхнешь? – спросила я, открывая дверь в собачий загон. – Вот ты тут валяешься без задних ног, а хозяйку твою украли!

Пес неохотно сел, краем глаза заглянул в миску с остатками овсянки и почесал себя за ухом задней лапой, словно недоумевая, кому и зачем понадобилось красть Ирку. Я тоже никак не могла этого понять и пошла в дом, надеясь увидеть что-нибудь такое, что поможет мне разобраться в ситуации.

Двери были закрыты, свет нигде не горел, все помещения на двух этажах находились в нормальном состоянии – по всему было видно, что хозяева покидали дом без спешки. Беспорядок наблюдался только в подвальном гараже, но это не было для меня новостью: с неделю назад Иркино и Моржиково предприятие, фирма «Наше семя», получило очередную партию товара, который наскоро свалили в гараж и разбирали постепенно.

Кстати говоря, моя незабвенная синяя роза была из этой самой партии, Ирка приволокла мне кустик в красивой картонной коробке аккуратно в прошлую пятницу. Надо же, всего за неделю растение умудрилось засушиться так, словно стояло не на открытом балконе в городе с субтропическим климатом, а в самом сердце раскаленной пустыни Сахара! Впрочем, у меня на балконе во второй половине дня тоже открытый солнцепек, именно поэтому меня не покидает навязчивая идея затенить балкон красивым вьющимся растением. Идея меня не покидает, а вот растения, наоборот, покидают одно за другим.

Ирка, которая знает, какой я никудышный ботаник и бесталанный садовод, утверждала, что массовый падеж розовых кустов на моем балконе объясняется несоблюдением должных аграрно-климатических условий. Мол, не туда я свои розы сажала, не тогда и не так. И сами розы тоже были неправильные. Именно поэтому подруга притащила мне полный садоводческий комплект: упаковку специального почвогрунта, дренаж для цветочных горшков, оказавшийся при ближайшем рассмотрении обыкновенным керамзитом, и само растение – полуфабрикат, который нужно было только должным образом совместить с содержимым горшка. Вместо последнего, правда, была использована прохудившаяся кастрюля, которую предыдущие хозяева квартиры использовали для вываривания белья. В остальном же вроде мы все сделали по инструкции, схематично изображенной на коробке. Подписи под картинками были на польском, но сами рисунки не нуждались в объяснении, поэтому я не думаю, что мы с Ирккой сделали какую-то роковую ошибку. Скорее это роза была бракованная. Я сразу заподозрила неладное, когда увидела соседствующие на упаковке надписи: «Голландские цветы» и «Произведено в Польше». По-моему, должно быть одно из двух – либо роза голландская, либо польская, правильно? Гибрид, как показала практика, явно нежизнеспособен.

На мой взгляд, это вообще характерно для гибридов, в том числе технических. Я лично откровенно недолюбливаю многофункциональные приборы типа «мясорубка-соковыжималка-миксер-кофемолка– картофелечистка-точилка для карандашей». Приятно, конечно, по одной цене приобрести с полдюжины полезных машинок в одном флаконе, но зато, если агрегат-многостаночник выходит из строя, вы лишаетесь разом и мясорубки, и миксера, и кофемолки, и картофелечистки, и даже точилки для карандашей.

С некоторыми оговорками я готова одобрить разве что телефонный аппарат с функцией будильника, но лишь потому, что совмещение этих двух приборов в одном корпусе экономит место на прикроватной тумбочке. При этом манера моего аппарата исполнять в качестве побудки бородинское «Славься!» мне уже не нравится. По-моему, под эту музыку должны просыпаться только государственные чиновники высокого ранга, а простым смертным

гораздо больше подходит старый добрый сигнал горна, живо напоминающего о пионерском лагере: «Вставай, вставай, постели заправляй!» Вот Иркин домашний телефон, произведенный и запрограммированный тактичными японцами, не оглушает спящих обитателей дома фанфарами, а деликатно насвистывает птичкой. Правда, неохотно пробуждающийся Моржик, по словам подруги, при этом все-таки ворчит: «Заткни канарейку, пока я ей шею не свернул!»

Ой! Телефон! Осененная многообещающей идеей, я на одной ножке развернулась посреди заваленного мешками, ящиками, рулонами и коробками гаража и побежала на другой этаж – к телефону, который, помимо способности убедительно подражать птичьему щебету, обладает еще и памятью на два десятка номеров. Мне вдруг пришло в голову, что компания Пискалявого, прежде чем похитить мою подругу, вполне могла некоторое время донимать ее тупыми телефонными разговорами так же, как сегодня начала донимать меня. Сейчас я пошарю в памяти японского аппарата, погляжу, нет ли там какого-нибудь незнакомого номера, запечатлевшегося неоднократно за короткий промежуток времени!

Действительно, такой номер нашелся, кто-то с редким упорством бомбардировал Ирку звонками: я насчитала шесть однотипных вызовов за шесть часов! Недолго думая, я набрала этот номер и услышала приятное женское сопрано, дикцию которого портил распространенный в наших южных широтах дефект – мягкое «гэ».

– Гостиница «Казбек», добрый день.

– Здравствуйте, девушка, – сказала я. – Вы администратор?

– Рецепционист.

Обалдеть! Рецепционист она! С таким-то кубанским прононсом!

– Ладно, это неважно, – отмахнулась я. – Я почему вам звоню? С этого номера мне неоднократно звонил какой-то телефонный хулиган...

– Справок о постояльцах мы не даем, – невежливо перебила меня рецепционистка а-ля рюс, бросая трубку.

«Ага, значит, тот, кто донимал Ирку звонками, – постоялец „Казбека“! – обрадовалась я. Если он еще там, я его найду и возьму за гланды. Если он имеет какое-то отношение к банде Пискалявого, то как миленький расколется, куда его шайка упрятала мою Ирку. И, главное, зачем?»

Однако жаль, что связаться с Писклей мне пока не удалось, ведь этому идиоту не хватило соображения толком объяснить мне, какое такое добро меня вынуждают вернуть. Честное слово, ничего чужого я не брала! Разве что на последней съемке в ГУВД края одолжила у кого-то из аборигенов ручку, да так и унесла ее с собой, но маловероятно, чтобы такой шум поднялся из-за пишущего прибора. Это же не золотой «Паркер» был, а простое пластмассовое стило! Да и мой писклявый собеседник по голосу мало походил на сотрудника органов, у меня много знакомых ментов и все, как один, обладают хриловатыми мужественными голосами. А не позвонить ли мне, кстати, одному из этих суровых мужчин в погонах?

Вместо ответа на этот чисто риторический вопрос я быстро набрала номер, который по необходимости давно заучила наизусть.

– Лазарчук, – голос приятеля-сыщика был особенно хриплым.

Спал он, что ли? В половине девятого вечера?

– Лазарчук, когда ты уже выйдешь из органов и займешься частной практикой? – не здороваясь, накинулась я на капитана.

– Из чьих органов я должен выйти? – съязвил Серега. – Вообще-то как раз сейчас я ничем таким не занимаюсь. Я сижу на больничном.

– Хорошо, что не на нарах, – съязвила я в ответ. – Твоя болезнь не инфекционного характера?

– Не знаю, – задумался капитан. – Ангина – это инфекция или нет?

– Ангина – это ерунда, – заявила я. – Лазарчук, ты должен мне помочь! Мне не велели обращаться в милицию, но ты сейчас не при исполнении, значит, можешь не считаться милицией. Серега, Ирку похитили!

– Ты с ума сошла? – искренне изумился Лазарчук. – Кто мог похитить стокилограммовую тетку, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»? Бригада «морских котиков»?

– И песиков, – кивнула я, забыв, что Серега меня не видит. – Один такой собачий сын как раз звонил мне с требованием вернуть чужое добро в обмен на Ирку. Только я не знаю, какое добро ему нужно.

– Может, золото? – легкомысленно фыркнув, предположил капитан. – Чистым весом – шесть пудов? За меньшую награду я лично не рискнул бы связываться с твоей подругой.

– Центнер золота? Дурацкая мысль, – сказала я.

– Но и ситуация дурацкая, разве не так? – резонно заметил капитан.

Я задумалась.

– Килограммовый слиток золота я как-то видела на съемках в банке, – вспомнила я. – Он размером с плитку шоколада. Сто шоколадок – это довольно большая коробка или сверток. Может, пойти поискать что-нибудь подобное в кухонных шкафчиках?

– Глупости, – прохрипел Лазарчук. – Про золото я сказал в режиме бреда. Речь свободно может идти не о нем, а, например, о полном чемодане долларов. Или о пригоршне бриллиантов. Или о термосе с плутонием. Да мало ли, какие могут быть ценности? Антиквариат, ювелирные украшения, всяческие раритеты, просто деньги, акции...

– И облигации выигрышного займа, – вздохнула я, соглашаясь с приятелем. – Думаешь, не стоит искать то, не знаю что?

– Разве что скуки ради.

– А для пользы дела? Вернее, для пользы тела – Иркиного? Похитители угрожают начать резать ее на кусочки, если я не верну проклятое «добро».

– Знаешь, что я об этом думаю?

– Не знаю, но хочу знать.

– Так вот, я думаю, что это какая-то глупая шутка, – безапелляционно заявил Лазарчук. – Розыгрыш.

– Но...

– Молчи, я не смогу тебя перекричать, у меня горло болит, – попросил Серега. – Знаешь, что?

– Уже знаю, – буркнула я.

– Чудненько. Тогда подожди денек-другой, я уверен, что твоя подружка сегодня-завтра сама объявится и скажет, что неудачно пошутила.

– А если она не объявится сегодня-завтра?

– Тогда завтра-послезавтра снова позвони мне. А пока отцепись, ладно? Дай поболеть спокойно.

– Выздоровливай, – со вздохом сказала я, но Лазарчук уже положил трубку.

Вот человек, да? Ни тебе сочувствия, ни душевной чуткости! Мент, сухой и черствый, как три корочки хлеба! И это о таких людях слагают хвалебные песни с текстами типа: «Если кто-то где-то там попал в беду, трям-трам-трам – не помню точно, – ему на выручку придут»! Придут они, как же! На могилку с цветами, трям-трам-трам!

Сердясь на капитана, не пожелавшего серьезно отнестись к истории с похищением моей лучшей и единственной подружки, я громко захлопнула дверь, повернула ключ в замке и начала было спускаться с крыльца, когда услышала жалобный собачий скулеж.

– Ох! – произнесла я, поворачиваясь, чтобы вернуться в дом.

Пробежалась в кладовку, взяла там три банки гречки с тушенкой, одну за другой вспорола их консервным ножом и понесла кашу насущную Томке. Не голодать же собаке в отсутствие хозяев, пропавших неизвестно куда!

Тут мне пришло в голову, что собаке нужно не только регулярно питаться, но и гулять. Если Ирка или Моржик не вернуться в родные пенаты в самом скором времени, придется мне взять заботу о четвероногом друге на себя. Не переселиться ли мне по такому поводу в Пионерский? Все равно, дома меня никто не ждет, мой муж Колян и сын Колюшка, известный также, как Масынька, отдыхают на море. У Коляна уже давно отпуск, а мне до заслуженного отдыха пахать еще неделю, и только тогда я смогу присоединиться к своим любимым мужчинам в теплых краях. Правда, я посещала их в выходные: уехала в пятницу после работы, а вернулась сегодня, в воскресенье, после обеда. Надо же, прошло всего несколько часов, как я приехала с моря, а мне уже кажется, будто безмятежный отдых в кругу семьи был чуть ли не в прошлой жизни!

Я вывалила кашу с мясом в собачью миску с остатками овсянки, принесла песику свежей водички, погладила мохнатую Томкину башку и жалостливо сказала:

– Кушай, кушай, мой хороший! Если завтра твоя хозяйка не вернется домой, то я приеду и стану тебе родной матерью. Договорились?

Пес грустно вздохнул, но возражений не высказал, и я ушла, старательно закрыв дом и двор на все замки.

В десятом часу вечера фиолетовые сумерки уплотнились, и небо в пятнышках белых звезд сделалось похожим на бархат, проеденный молью. Где-то на полпути, посреди поля, я пожалела, что не осталась ночевать в особняке, но меня гнала домой надежда услышать Писклю, который мог позвонить мне на домашний телефон. Может, поганец объяснит мне толком, чего ему от нас с Иркой нужно?

Крепко задумавшись, в потемках я немного сбилась с пути и вышла из зарослей полыни не к остановке маршрутных такси, а метров за двадцать до нее, но попала именно туда, куда следовало: на пяточке внутри петли, образованной разворачивающейся обратно дорогой, толпились пустые маршрутки. Небольшое – голов пять-шесть – стадо «Газелей» невнимательно пасли мужики, сгруппировавшиеся вокруг грубо сколоченного стола под одиноким фонарем. На одном краю стола высилась переполовиненная пластиковая бутылка с негазированной минералкой, на другом – двое водил играли в шашки, а третий наблюдал за игрой, и еще кто-то непонятно возился в зарослях, подсвечивая себе фонариком.

– Добрый вечер, – приветливо сказала я, появившись в круге света перед дядьками.

– Свят, свят, свят! Сгинь, нечистая! – смешно закрестился маленький лысый живчик лет пятидесяти, одновременно улыбаясь во всю ширь щербатого рта. – Кто ты, ночная гостья?

– Так, прохожая. Мне бы Михалыча, – попросила я.

– А в лоб? – хамовито отозвался один из игроков в шашки – тот, который сидел лицом ко мне.

Смотрел он при этом не на меня, а на доску, но правую руку занес повыше и сложил пальцы для щелчка. Я уже испугалась, что меня хотят стукнуть, но тут мужик опустил руку и громко щелкнул по шашке на доске. Черная шашка шумно врубилась в ряд противостоящих ей белых, пластмассовые кругляшки разлетелись в разные стороны, и из зарослей травы позади игроков, разогнувшись, показался толстый парень с фонариком в руке.

– Все, мужики, кончай играть! – громко сказал он. – Третий комплект шашек расстреливаете, я уже запарился их собирать, в темноте ничего не видно!

Я подняла черную шашку, которая стукнула меня по коленке и упала в траву, шагнула вперед и положила похожий на шоколадную конфетку кругляшок на край стола.

– Спасибо, солнышко! – поблагодарил меня мужик, действия которого произвели фатальное опустошение на клетчатой доске. – Ты, говоришь, Михалыча ищешь? Он там.

Дядька махнул рукой в сторону припаркованной поодаль маршрутки, на дверце которой была изображена голая девушка, в технике «боди-арт» высокохудожественно раскрашенная под сотовый телефон. Рядом помещался адрес салона сотовой связи «Сотня» и слоган: «Жми, не бойся!» На какие именно места желательно жать, указывали красные стрелочки, пририсованные кем-то от руки в нарушение художественного замысла авторов картины. Расписная дверь была открыта, и за ней в неосвещенном салоне кто-то шумно ворочался. Опасаясь, что там именно в этот момент кто-нибудь безбоязненно жмет на какие-то эрогенные точки, я громко покашляла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.